

лентно разобщенному, скучному, омертвленному, логичное — товарищескому, веселому, живому.

Оппозиция алогичное — логичное оказывается соотносимой с универсальной для художественного мира Гоголя антитезой мертвого и живого.

Т. Ф. Лунина

ПАРОДИИ КОЗЬМЫ ПРУТКОВА НА РОМАНТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

(В. Г. Бенедиктов в зеркале пародии)

Козьма Прутков — уникальное явление в истории русской литературы. Трудно представить себе литературную борьбу 50-х годов без великого стихотворца, который протестовал против того, чтобы его называли пародистом. «Я совсем не пишу пародий!.. Я просто анализировал в уме своем большинство поэтов, имевших успех; этот анализ привел меня к синтезу; ибо дарования, рассыпанные между другими поэтами, оказались совмещенными все во мне едином»¹, — не без гордости пишет Козьма Прутков, полагая, что талант — не от природы, а от механического перетаскивания чужих художественных ценностей в свой «огород».

Знарок чужих талантов прав в том смысле, что он действительно дал верное отражение творчества некоторых современных поэтов. По выражению Анатолия Пикача, «пародия — это своего рода барометр литературного процесса»². Козьма Прутков как пародийный образ поэта-романтика объективно способствовал победе реалистического направления. Создатели образа Козьмы Пруткова большое внимание уделяли В. Бенедиктову, который своей известностью на время затмил даже Пушкина. Увлечение В. Бенедиктовым было своего рода массовым психозом, которому поддалась не только малокультурная масса средних слоев тогдашней России, но и такие люди, как Тургенев, Жуковский, Тютчев, Некрасов. Чем же была вызвана шумная, хоть и кратковременная слава В. Бенедиктова?

В. Г. Белинский пишет по этому поводу: «...поэзия г. Бенедиктова не поэзия природы или народа, — а поэзия средних кружков бюрократического народонаселения Петербурга. Она вполне выразила их с их балами и любезностью, с их любовью и светскостью, с их чувствами и понятиями, словом, со всеми

¹ Цитируется по кн.: Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1974, с. 27.

² Пикач А., Бек Г. «Сей род шуток». Черты современной поэзии в зеркале пародии. — Лит. учеба, 1980, № 1, с. 207.

их особенностями и выразила их простодушно-восторженно, без всякой прониц, без всякой мысли... Эта бессердечность, этот холодный блеск при изысканности и неточности выражения кажется истинной поэзией львам и львицам средней руки»³.

Итак, В. Бенедиктов — корифей мещанской поэзии, поднявшийся на вершину славы благодаря недостаточной культуре тогдашнего массового читателя. Но дело не только в этом. В творчестве В. Бенедиктова шла отражение важная особенность русской поэзии — разрушение старой стилистической системы. Это выражается в том, что становятся разнообразнее ритмы и метры, звукопись становится более шумной, метафоры становятся развернутыми, требующими активизации читательского мышления. Отсюда в русской лирике, переплетаясь, идут две линии: экспрессивная и стилистически нейтральная. Подробно об этом пишет Л. Я. Гинзбург в книге «О лирике». Современников В. Бенедиктов мог обмануть кажущейся смелостью своей поэзии. Но читатель наших дней с его богатым опытом метафорической поэзии разглядит провалы вкуса и таланта у В. Бенедиктова. На смену цельной гармонической поэзии Пушкина пришла поэзия разочарования и скорби, с огромной силой выраженная М. Ю. Лермонтовым. Эпоха разрушения гармонического дворянского идеала вела к поискам грандиозной романтической личности. Лирический герой М. Лермонтова создавал высокий пример противостояния пошлой действительности, но это была лишь одна сторона эволюции романтизма. С другой стороны заявила о себе другая — сниженная — тенденция романтического сознания. На эту тенденцию обратила внимание Л. Я. Гинзбург: «...в 30-х годах поиски выражения грандиозной романтической личности и титанических страстей вели не только к Гюго и Жан Полю, но и к поэтам русского низового романтизма. Успех самого талантливого из них — Бенедиктова был поэтому успехом на разных читательских уровнях»⁴.

К 40-м годам романтизм изживает себя, теряет возможности творческого обновления. В. Бенедиктов как раз и воплотил обнищание романтизма. Именно В. Бенедиктов становится основной мишенью пародистов, так как в его творчестве глубочайший кризис романтизма получал чрезвычайно наглядное и не защищенное от пародиста выражение.

Теперь обратимся к самим пародиям Козьмы Прутова. Сочинения директора пробирной палатки стали публиковаться в 50-е годы, когда реализм утверждал себя по преимуществу в художественной прозе. Защитой реализма и дискредитацией «низового» романтизма как раз и становится поэзия Козьмы Прутова. Ее адрес — романтическая лирика 30—40-х годов.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1955, с. 493

⁴ Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974, с. 107.

Козьма Прутков — пародия на тупого, самодовольного, благонамеренного филистера, который успешно сочетает казенную службу со служением музе. Козьма Прутков так и говорит о себе:

Но музы не отверг объятий
Среди мне вверенных занятий.

Личность В. Бенедиктова как раз и дает богатый материал для пародийного осмысления. Авторы Козьмы Пруткова не замедлили воспользоваться им при создании своего детища. Пародийному осмеянию подверглось несоответствие между тщедушной внешностью биографического автора, которая, по выражению Ст. Рассадина, «болезненно шокировала поклонников его красивой поэзии»⁵, — и ложноромантическим пафосом поэзии В. Бенедиктова с ее кажущейся смелостью, страстностью и оригинальностью.

Образ Козьмы Пруткова как пародийный образ может служить примером несоответствия между тем впечатлением, которое некто пытается произвести на общество, и его истинным характером, духовным складом и интеллектуальным уровнем. Это нашло выражение уже в портрете, который обычно прилагается к сочинениям поэта-чиновника.

Портрет Козьмы Пруткова с фотографии Л. М. Жемчужникова, А. Е. Бейдемана и Л. Ф. Лаггорно является пародийным истолкованием героя романтических произведений В. Бенедиктова.

По мнению Л. Я. Гинзбург⁶, портрет Козьмы Пруткова есть пародийно утрированный портрет В. Бенедиктова на известной литографии Бореля, где зауряднейшая внешность В. Бенедиктова подогнана под внешность романтического героя.

Создатели Козьмы Пруткова в первый же год литературной деятельности (1853) занялись приготвлением отдельного издания произведений Козьмы Пруткова с портретом. На портрете у Козьмы Пруткова голова откинута, волнистые волосы зачесаны назад, тугой ворот манишки и шейный платок, повязанный узлом, левая рука с крупным перстнем величественно покоится на груди, на лице две бородавки, одна заклеена. Под портретом лира, от которой исходят лучи. Взгляд великого стихотворца углублен в себя и в то же время направлен куда-то у неведомую даль. К портрету Козьмы Пруткова написано стихотворение «Мой портрет»:

Когда в толпе ты встретишь человека,
Который паг (вар.: На коем фрак);
Чей лоб мрачней туманного Казбека,
Неровен шаг;

⁵ Рассадин Ст. Неудачник Бенедиктов. — Вопросы литературы, 1976, № 10, с. 152.

⁶ См.: Гинзбург Л. Я. О лирике. Л., 1974.

Кого власы подъяты в беспорядке;
 Кто вопия,
 Всегда дрожит в нервическом припадке,
 Знай: это я!
 Кого язвят со злостью вечно новой
 Из рода в род;
 С кого толпа венец его лавровый
 Безумно рвет;
 Кто ни пред кем спины не клонит гибкой,
 Знай, это я!
 В моих устах спокойная улыбка,
 В груди змея!⁷

Перед нами портрет героя романтической лирики, заведомо сниженный. Здесь пародируется представление современников и самого В. Бенедиктова о романтическом герое — божьем избраннике, отщепенце, безумце, который в споре с целым миром. Пародирование осуществляется на идейном и тематическом уровнях. Пародийно осмысливается одна из наиболее истрепанных тем эпигонского романтизма — тема противопоставления романтического героя и толпы.

Кого язвят со злостью вечно новой
 Из рода в род;
 С кого толпа венец его лавровый
 Безумно рвет...

Другой атрибут романтической поэтики — заостренное контрастирование — тоже получает пародийно сниженное осмысление.

В моих устах спокойная улыбка,
 В груди змея.

Комический эффект создается следующими приемами: у романтического героя — гибкая спина, а гибкая спина, как известно, характеризует усердного служащего. Но эту «спину гибкую» он ни перед кем не клонит, а в это плохо верится. Следовательно, в одном образе совмещаются и пламенный слугитель муз, и заурядный чиновник. Необходимо обратить внимание на варианты: «который паг» — «на коем фрак». Козьма Прутков склонен изобразить героя нагим (т. е. свободным от каких бы то ни было пут и ограничений, живущим вне общественных условностей), но вдруг пугается собственной решимости и одевает героя во фрак — необходимую часть парадного одеяния в торжественных случаях.

Пародийная направленность стихотворения очевидна. Комизм, сопровождающий пародию, помогает нам уяснить процесс пародирования и тем самым реконструировать второй план. Пародия направлена против избитых романтических штампов, которыми так изобилует поэтика В. Бенедиктова. Возьмем, к примеру, стихотворение В. Бенедиктова «Певец»:

⁷ Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1965, с. 29—30.

Он странный, исполнен несбыточных дум,
Бывает он весел ошибкой;
Он к людям на праздник приходит — угрюм,
К гробам их подходит — с улыбкой;
Всеобщий кумир их ему не кумир,
Недаром безумцем зовет его мир⁸.

Как видим, романтический герой обрисован чрезвычайно смело, резкими, контрастными штрихами. Лирический герой В. Бенедиктова находится в постоянном разладе с окружающим его миром. Его мысли, чувства и настроения никогда не гармонируют с мыслями, чувствами и настроениями окружающих: поэтому он весел, когда другие печалются, угрюм, когда они веселятся.

Пародистам в этом случае трудно идти по пути дальнейшего усиления противоречия между романтическим героем и толпой. Л. Я. Гинзбург писала по этому поводу: «Пародии на Бенедиктова многочисленны, но надо сказать, что все они уступают оригиналу в рискованности словесных сочетаний. Это обстоятельство обнаруживает, между прочим, своеобразие стилистической системы В. Бенедиктова; пародисты не могли овладеть ею обычными средствами тогдашнего стиха»⁹. А. Толстой и братья Жемчужниковы, чувствуя это, пошли не по пути достоверного воспроизведения стиля Бенедиктова с его «необычными, рискованными сочетаниями», а по пути веселого, лукавого, шутовского снижения кажущейся страстности и смелости поэзии В. Бенедиктова. И этим пародисты достигли желаемого успеха: они показали, что за благозвучными, трескучими фразами В. Бенедиктова скрывается бедность поэтической мысли. У В. Бенедиктова много изречений, претендующих на значительность и глубокомыслие:

Любовь — лишь капля яду
На остром жале красоты.

Здесь обычные поэтические слова сгущены в сложную и запутанную комбинацию с целью добиться поэтического эффекта. Это кажущееся глубокомыслие как раз и пародируется в афоризмах Козьмы Прутова — таких как: «Воображение поэта, удрученного горем, подобно ноге, заключенной в новый сапог». Вот еще пример ложного глубокомыслия: «Не шути с женщинами: эти шутки глупы и неприличны». Здесь пародисты идут с другого конца. Комический эффект создается за счет полной свободы от какого бы то ни было иносказания. Перед ними человек, привыкший мыслить в лизменных категориях. Поэтому для него все шутки мужчин, обращенные к женщинам, «глупы и неприличны». Он уверен в том, что по-другому и быть не может. В этих пародийных афоризмах, как видим, происходит развенчание

⁸ Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1939, с. 54.

⁹ Гинзбург Л. Я. Бенедиктов В. — В кн.: В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. Л., 1939, с. XV.

ложной мудрости, претендующей на универсальность. Пародированию подвергается стилистическая эклектика лирики В. Бенедиктова.

В поэтику В. Бенедиктова просачивается язык салонов, светских зал, гостинных и чиновных мест.

Пина, помнишь ли мгновенья,
Как певец усердный твой,
Весь исполненный волненья,
Очарованный тобой,
В шумной зале иль в гостинной
Взор твой девственно невинный
Взором огненным ловил.
Иль, мечтательно к окошку
Прислонясь, летунью-ножку
Тайной думою следил¹⁰.

Приведен отрывок из стихотворения «Напоминание». Мещанское мышление во внешней красивости: вместо пушкинской «ножки» — «летунья-ножка». «Певец усердный твой» — пример эклектичного некритического соединения слов, напоминает сочетание «усердный чиновник».

Можно привести в качестве примера отрывки из стихотворения В. Бенедиктова «Черные очи»:

Блещет пламя голубое
В паре нежных томных глаз.

Или печально знаменитая фаза:

Вот блестящая взвилась
Прихотливо поднялась,
Прихотливо подлетела
К паре черненьких очей¹¹.

Эти фразы — образцы безвкусицы. В последней строчке и поэтическое «очи» и ласково-фамильярное «черненькие», и галантерейное «пара» образуют собой стилистическую мешанину. Стилистическая глухота В. Бенедиктова находит свое комедийно-сниженное выражение в пародиях Козьмы Пруткова. Возьмем стихотворение Козьмы Пруткова «В альбом N. X.», написанное в духе светского обольщения:

Желаю вашего всегда покорный раб,
Из книги дней моих я вырву полстраницы,
И в ваш альбом вклею... Вы знаете, я слаб
Пред волей женщины, тем более девицы.
Вклею! Но вижу я, уж вас объемлет страх!
Змеей тоски моей пришлось мне поделиться!
Не целая змея теперь во мне, но — ах!
Зато по ползмен в обоих шевелится¹².

Перед нами комически схваченный образ мещанского мироотношения, которое вместе с тем претендует на «комильфот-

¹⁰ Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1939, с. 19.

¹¹ Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1939, с. 39.

¹² Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1965, с. 73.

ность». Поэт пишет в альбомы светских красавиц, говорит о рыцарском служении даме, вообще, хочет, как говорится, «соответствовать». По мысли Козьмы Пруткова, выражение «Я слаб пред волей женщины, тем более девицы» — образец благородного отношения к даме и высокий пример нравственности. Автор альбомных стихов принадлежит к тому кругу, где склонны тщательно отмечать разницу между «женщиной» и «девицей», где господствует жесткая система моральных ограничений.

Перед нами пародия на мещанский тип мышления, который нашел свое законченное выражение в поэтике В. Бенедиктова. Одновременно осмеянию подвергается не критическое отношение поэта к выбору художественных средств. В процитированной пародии подвергается осмеянию склонность В. Бенедиктова к метафорам. У В. Бенедиктова в одном стихотворении упоминается «змея надежды — прекрасная змея». Эта метафора многим современникам могла показаться смелой и удачной, но создателям Козьмы Пруткова она показалась безвкусной. «Змея надежды» В. Бенедиктова превращается у Козьмы Пруткова в «змею тоски». Происходит пародийно-комическое заострение: если поэт может поделиться своими чувствами с некоей особой на страницах принадлежащего ей альбома, то не нужно удивляться тому, что с вышеуказанной особой можно поделиться не только тоской, но и «змеей тоски», и в этом случае каждому достается...по половинке змеи. Суть комизма в том, что образ змеи в груди поэта стоит на грани условного, метафорического и прямого, буквального восприятия. Можно удивляться незаурядному простодушию Козьмы Пруткова, за которым скрывается лукавая и тонкая насмешка пародистов.

Образ змеи, как выражение страстного чувства, полюбился Козьме Пруткову, и он не раз упоминает его в своих произведениях. Причем, змея как выражение чувств теряет метафорический смысл и превращается просто в змею. Например, в стихотворении «Мой портрет»; «В моих устах спокойная улыбка, в груди змея». В афоризмах Козьмы Пруткова она вновь упоминается: «В глубине каждой груди есть своя змея».

Создатели Козьмы Пруткова заметили и еще одну особенность поэзии В. Бенедиктова — неоправданную напыщенность и приподнятость тона, принятие романтической позы при любых, самых незначительных ситуациях. Так как это не подтверждается ни личностью самого поэта, ни подлинностью образа, то романтически пафос В. Бенедиктова мог быть комически осмыслен. Есть у В. Бенедиктова стихотворение «Прощание с саблей», где лирический герой возвращается с войны к деве, сабля предупреждает его о возможной измене, о коварстве девы, и герой отвечает сабле:

О нет, я тебя не оставлю в забвении,
Нет, друг мой железный! Ты будешь со мной:
Я ржавчине лютый не дам на съеденье,
Тебя обращаю я в кинжал роковой
И ловкой, и пышной снабжу рукоятью,
Блестящей оправой кинжал облеку,
И гордо повесив кинжал над кроватью,
На мщенье коварству его сберегу¹³.

«Кинжал над кроватью» (не над ложем, не над постелью, а именно «над кроватью»), да еще повешенный «гордо», — это был фланг, неосторожно подставленный противнику. И авторы Козьмы Пруткова этой неосторожностью воспользовались в стихотворении «К друзьям после женитьбы», не только высмеяв стилевую безвкусицу, но и травестийно снизив романтическую традицию:

Я женился, небо вняло
Нашим пламенным мольбам;
Сердце сердцу весть подало,
Страсть ввела нас в светлый храм.
О друзья! Ваш страх напрасен;
У меня ль не твердый нрав?
В гневе я суров, ужасен,
Страж лихой супружних прав.
Есть для мести черным ковам
У женатого певца
Над кроватью, над альковым,
Нож, ружье и фунт свинца!¹⁴

Если у В. Бенедиктова лирический герой едет с войны, заслужив любовь прекрасной дамы, если он везет с войны подружку боевых дней — верную саблю, то у Козьмы Пруткова лирический герой является попросту глупым ревнивцем. Он лишь «страж лихой супружеских прав», а ружье он нашел в сыром песке, поржавевшее и неизвестно кому принадлежащее. Ревнивый поэт, готовый вступить за поправленную семейную честь, оказывается, употреблял это грозное оружие, метко стреляя по птицам:

Тем ружьем в былое время
По дрохвам певец стрелял
И, клянусь, всегда им в темя,
Всем зарядом попадал!¹⁵

Комически воплощена здесь угроза ревнивца: уж если в птичью голову ему удавалось попасть «всем зарядом», то нечего и говорить, сколь метким будет выстрел в голову того, кто оскверняет семейный очаг. Сатирический эффект создается фразой «женатый певец», вместо «женатый поэт». Если у В. Бенедиктова символом мести является сабля — подружка брачных дней, то у Козьмы Пруткова — нож (может быть, даже кухон-

¹³ Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1939. с. 31.

¹⁴ Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1965. с. 97.

¹⁵ Там же, с. 97.

ный) и заржавевшее ружье. Здесь создатели Козьмы Пруtkова применяют излюбленный прием: усиление комического эффекта за счет снижения лирического героя и романтической ситуации.

В обширном наследии Козьмы Пруtkова можно встретить и пародии на отдельные стихотворения. Прекрасным образом такой пародии является стихотворение Козьмы Пруtkова «Шея», которое он посвящает «сослуживцу г. Бенедиктову». Давно установлено, что это пародия на знаменитое в свое время стихотворение В. Бенедиктова «Кудри». Приведем сначала отрывки из пародируемого первоисточника:

Кудри девы — чародейки,
Кудри — блеск и аромат,
Кудри — кольца, струйки, змейки,
Кудри — шелковый каскад.

«Кто ж владелец будет полный
Этой россыпи златой?
Кто-то будет эти волны
Черпать жадною рукой?
Кто из вас, друзья — страдалцы
Будет амвру их впивать,
Навивать их шелк на пальцы,
Пощелуем припекать,
Мять и спутывать любовью,
И во сне по изголовью
Беззаветно рассыпать!»

Кудри, кудри золотые,
Кудри пышные, густые,—
Юной прелести венец!¹⁶

Справедливости ради следует заметить, что это далеко не худшее стихотворение В. Бенедиктова: здесь и красочность описаний, и смелость эпитетов, и оригинальное видение мира. Вместе с тем именно в этом стихотворении, как в увеличительном стекле, сфокусированы основные особенности поэтики В. Бенедиктова. Это одно из наиболее, если можно так выразиться, бенедиктовских стихотворений. Стихотворение Козьмы Пруtkова является одновременно пародией на стиль В. Бенедиктова в целом, так как оно отражает особенности всей его поэзии, а не одного стихотворения. Приведем теперь текст пародии:

Шея девы — наслажденье,
Шея — снег, змея, нарцисс,
Шея — ввысь порой стремленье,
Шея — склон порою вниз.
Шея — лебедь, шея-пава,
Шея — нежный стебелек,
Шея — радость, гордость, слава,
Шея — мрамора кусок.
Кто тебя, драгая шея,
Мощной дланью обоймет?

¹⁶ Бенедиктов В. Г. Стихотворения. Л., 1939, с. 52.

Кто тебя, дыханьем грея,
 Поцелуем пропечет?
 Кто тебя, крутая выя,
 От косы до самых плеч
 В дни июля огневые
 Будет с зоркостью беречь:
 Чтоб от солнца в зной палящий
 Не накрыл тебя загар;
 Чтоб поверхностью блестящей
 Не пленился злой комар,
 Чтоб черна от черной пыли
 Ты не сделалась сама;
 Чтоб тебя не иссушили
 Грусть, и ветры, и зима?¹⁷

Пишная и шумная яркость В. Бенедиктова прежде всего стала объектом пародирования. Напоминаем, что приведены лишь отрывки из стихотворений В. Бенедиктова, которые явно перекликаются с пародией. Сама пародия в три раза меньше оригинала. Таков закон пародии как жанра: чем пародия меньше по объему, тем сильнее должна быть ее комическая направленность. Читая эту пародию, мы смеемся. Секрет комического воздействия прежде всего в том, что здесь нет ничего придуманного, отличного от оригинала. Здесь сгущены краски — в этом все дело. Знаменитый стихотворец воздал должное прекрасной части человеческого тела — шее — вслед за В. Бенедиктовым, который пропел на одном дыхании гимн в честь украшения рода человеческого — кудрей. И надо сказать, Козьма Прутков обставил своего предшественника по возможностям хвалебного гимна.

Прежде всего пародирование ведется на уровне синтаксиса. Если у В. Бенедиктова слово «кудри» повторяется четыре раза, то у Козьмы Пруткова восемь раз повторяется слово «шея». Если у В. Бенедиктова три риторических вопроса, то у Козьмы Пруткова — тоже три риторических вопроса, но осложненных тремя придаточными предложениями.

Пародирование идет и на уровне стилистики. Оно выражается в том, что создатели Козьмы Пруткова высмеяли неоправданное нагромождение разнородных, противоречащих по своей сути эпитетов и разностильных слов. У В. Бенедиктова внутренние разнородные определения «блеск» и «аромат» стоят в одном ряду и характеризуют кудри.

У Козьмы Пруткова еще более несоотносимые определения, которые совсем уж не могут стоять в одном ряду (например: «шея — снег, змея, нарцисс»). В пародии высмеивается нагромождение эпитетов, обилие повторов и неоправданная приподнятость тона.

Шея — радость, гордость, слава,
 Шея — мрамора кусок.

¹⁷ Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1965, с. 63.

Авторы достигают пародийной заостренности образа за счет усиления повторов. Обилие повторов в пародии вызывает комический эффект, так как является неестественным, нелепым, превышающим границы допустимого. Безвкусное, неленое сочетание слов у В. Бенедиктова метко и настойчиво пародируют создатели Козьмы Пруtkова. Слово «пропекать» в смысле «обжигать поцелуем» у В. Бенедиктова в пародии превращается в следующее:

Кто тебя, дыханьем грея,
Поцелуем пропечет?

В пародии имеет место обилие старославянизмов: драгая шея, крутая выя, мощная длань. Эти слова сочетаются с грубо-просторечными «обоймет» и стилистически неправильным «пропечет». Здесь пародируются безвкусица и эклектичность в поэтике В. Бенедиктова.

Подведем итоги. Козьма Пруtkов — пародийное явление широкого плана. Его можно рассматривать как пародию на поэта — чиновника николаевской эпохи и шире — как пародию на тип мышления тупого, благонамеренного и самодовольного флистера.

Творчество Козьмы Пруtkова можно рассматривать и как пародию на литературное направление, и как пародию на стиль. И в то же время пародии Козьмы Пруtkова не исчерпываются внутрилитературными целями. А. Толстой и братья Жемчужниковы подвергают осмеянию не только литературные штампы и каноны, но и социальные предрассудки, социальные характеры и общественное мнение.

Механизм пародирования романтических штампов состоит в сознательном снижении и развенчании романтического героя и романтической ситуации. Благодаря пародиям заметнее становится отсутствие таланта и вкуса у В. Бенедиктова. В его произведениях большинство образов и штампов уже представит в бессознательно сниженном виде, и пародистам приходится только чуть-чуть «дожать», чтобы возникла атмосфера пародийной абсурдности.

Авторы Козьмы Пруtkова заметили и взяли под обстрел самые яркие, бросающиеся в глаза особенности поэтики В. Бенедиктова и в своеобразном преломлении, как в кривом зеркале, показали их в пародии. Шумная яркость, громкозвучность, неоправданная приподнятость тона В. Бенедиктова прежде всего бросилась в глаза пародистам.

Другая яркая особенность поэтики В. Бенедиктова — эклектичность — неоправданное смешение стилистически разных слов и понятий. Данную особенность авторы Козьмы Пруtkова пародируют постоянно. Таков один из приемов усиления комизма в стихотворениях Козьмы Пруtkова.

В. Бенедиктов — выразитель сознания мещанского сословия. Авторы Козьмы Пруtkова пародируют налет обывательщины и приемы салонного и чиновного обхождения.

Итак, пародирование ведется на тематическом, идейном уровне, на уровне лексики, стилистики и поэтических средств: метафор, эпитетов, сравнений. Все эти уровни при изучении пародии должно рассматривать в диалектическом единстве. По этому поводу В. Н. Новиков пишет: «Только через условный, целостный образ произведения пародист может выразить свое отношение к **отдельным** особенностям художественной формы пародируемого автора, стиля, направления»¹⁸. И такой стороной является стиль произведения в широком понимании, стиль как единство поэтических средств и идейно-художественного комплекса.

Особенность А. Толстого и Жемчужниковых как пародистов состоит в том, что они не просто идут по пути достоверного воспроизведения чужого стиля, а стремятся к его шутовскому развенчанию и осмеянию.

Лукавый и насмешливый взгляд пародистов на стихотворения В. Бенедиктова позволяет нам лучше понять слабости и просчеты его поэзии. А для современников эти пародии сыграли еще большую роль: В. Бенедиктов был ниспровергнут с высот поэтической славы и записан в корифеи эпигонского романтизма. Пародии Козьмы Пруtkова на каком-то этапе оказались в одном строю с высказываниями В. Белинского.

М. Г. Зельдович

«КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕКА» И ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ КРИТИКИ

Иронизируя по поводу страсти к научным дефинициям, наивной догматической веры в их универсальность, но этим отнюдь не отвергая их полезности в определенных границах, Ф. Энгельс был убежден: «Дефиниции не имеют значения для науки, потому что они всегда оказываются недостаточными. Единственной реальной дефиницией оказывается развитие самого существа дела, а это уже не есть дефиниция»¹. Смысл изучения проблемы творческого метода писателя в деятельности критика тоже заключается не в поисках дефиниции этого параметра критического произведения, а прежде всего — в исследовании «самого существа дела».

¹⁸ Новиков В. Н. Жанровая сущность литературной пародии. Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1978, т. 37, № 1, с. 23.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 20, с. 634—635.